

Р. РОРТИ: КРИТИКА ФИЛОСОФИИ КАК РЕПРЕЗЕНТАЦИИ

В XX веке был сделан ряд попыток провести «реконструкцию» истории философии в соответствии с современными реалиями. Одну из таких попыток предпринял известный американский мыслитель, представитель неопрагматизма, профессор Верджинского университета Ричард Рорти. Его «реконструкция» состояла в замещении эпистемологии литературной критикой.

Ключевые слова: философия ума, зеркало природы, логический позитивизм, точная репрезентация, холистические теории, герменевтика.

В книге «Философия и зеркало природы» («Philosophy and the mirror of nature», 1979) Рорти предпочитает называть свою философию герменевтикой и борется против главных своих врагов: метафизики и эпистемологии. Написана книга, по утверждению автора, «с точки зрения антикартезианской и антикантовской революций».

Из историко-философского экскурса следует, что основные проблемы философии были сосредоточены вокруг поиска природы познания и ума. На этапе «философии ума» философия удостоверяет притязания науки, искусства и религии на обладание знаниями. Такой статус философия приобрела в результате усилий Д. Локка, Р. Декарта, И. Канта. Именно Локку мы обязаны понятиям теории познания, основанной на постижении «ментальных процессов». Понятию «ума» как ментальной субстанции обязаны Р. Декарту. Канту мы обязаны пониманию философии как трибунала чистого разума. Главную заслугу Канта Рорти видит в том, что он провел принципиальное отделение философии от науки и поставил теорию познания в основания и науки, и философии. Именно благодаря Канту философия обратилась к изучению способов работы человеческого мышления. В результате от прогресса в сфере теории познания отныне стали зависеть остальные области философии. Каков результат? Согласно Рорти, философия со времен Канта стремилась дать обоснования всем другим наукам, возникающим в культуре. Следовательно, чем больше философия становилась «научной» и «строгой», тем меньше она имела дело с остальной культурой. В результате появилась эпистемология как неэмпирическая дисциплина, чьей основной задачей является определение статуса всех других форм дискурса – науки, морали, искусства и религии – в соответствии с тем, насколько хорошо они репрезентируют реальность.

Философ предстает перед нами как судья, который оценивает достоверность не только фи-

лософских теорий, но и теорий научных и культурных. По этому поводу Рорти замечает, что Кант «позволил профессиональным философам рассматривать себя в качестве председателей трибунала чистого разума, способных определить, остаются ли другие дисциплины в законных пределах, установленных «структурой» их предмета» [1, с. 102]. На примере решения проблемы о «соотношении ума и тела», а также рассмотрения «теории указания» автором провозглашается «смерть эпистемологии».

Благодаря Декарту проблема сознания предстала как проблема соотношения духовного и телесного как «двух субстанций». По Рорти, духовная субстанция у Декарта наделена своеобразным двойным качеством: демонстрацией духовных феноменов внутри нашего сознания и наблюдением этих феноменов своеобразным «внутренним оком». С помощью этого качества обеспечивалась целостность и неразрывность человеческого Я. Исходя из постулата о «двух субстанциях», познание представлялось Декарту как репрезентация внешнего мира, истинность которой удостоверялась «внутренним оком». Он полагал, что самая простая операция, которую может совершить сознание, – это познавать само себя. На основании этой иллюзии и сформировалось представление о человеке как «зеркалоподобной сущности». Репрезентация реальности – центральное понятие в философии Рорти. Оно неразрывно связано с образом зеркала. Рорти утверждает, что без представления об уме как огромном зеркале, не появилось бы понятие репрезентации. История философии от Декарта до Канта представляет собой получение все более точных репрезентаций путем полировки зеркала.

Выделив особую реальность – «сознание» – и наделив его способностью к ясности и отчетливости репрезентации, Декарт тем самым стремится уравнивать философию с математикой. Изобретение сознания, согласно Рорти, привело к измыш-

лению псевдопротивоположностей, в результате чего возникли беспредметные споры о монизме, дуализме, редукционизме, реализме и т. д. Рорти связывает появление в языке философии таких понятий, как «духовная и телесная субстанция», «сознание», «интеракция», «репрезентация», «интуиция» с исторической случайностью, изобретенной однажды «языковой игрой». Интеллектуалы играют в эту игру с тех пор, как философия заменила им религию.

Рорти направляет свою критику на то, чтобы показать, что ни категория «сознание», ни категория «интуиция» не отражают никакого реального положения дел в мире. Он настаивает на том, что сознание самого себя представляет собой обретенную в процессе обучения способность. Субъект может видеть внутри себя лишь то, что позволяет ему видеть его общество. Таким образом, мы наблюдаем у Рорти центральный принцип посмодернистского мировоззрения, который состоит в том, что убеждения, верования, привычки – все те вещи, которые составляют психологическую ткань «реальности», – со временем возникают из социального взаимодействия.

Поскольку философия понимается как терапия, своего рода здравый смысл, то лишается смысла и прежнее представление о том, что она должна быть неким неоспоримым основанием для всех наук и культуры в целом. Рорти предлагает «терапевтический» отход от онтологии, т. е., по сути дела, он говорит о том, что философия не должна заниматься поиском оснований бытия, она должна вообще отказаться от поисков оснований чего-либо. Ни сама философия, ни сфера ее деятельности – познание – не имеют оснований. Но как тогда происходит познавательный процесс? Рорти считает, что хотя познание и не имеет оснований, но оно может быть обосновано. Объясняется это следующим образом: «Ничего не может считаться обоснованием, пока оно не отсылает нас к тому, что мы уже приняли, и ... невозможно выйти за пределы наших вер и нашего языка в поисках какой-то проверки, кроме как согласованности» [1, с. 132]. Здесь Рорти, как мы видим, полностью отрицает наличие понятия «объективности», предлагая заменить его понятием согласия, «солидарности». По мнению Рорти, привычка полагаться более на убеждение, чем на силу, на уважение к мнению своих коллег, любознательность и страстное стремление к получению новых данных является единственным достоинством ученых.

Итак, наше знание может быть обосновано только в рамках наших вер и нашего языка, а проверена эта практика обоснования может быть только с помощью согласованности, видимо между нашими суждениями или между нашими верами, или тем и другим вместе. Рорти пишет: «...неконцептуальное, нелингвистическое познание того, на что похожи сырые ощущения, приписывается существам на основании их потенциального членства в этом обществе» [1, с. 140]. Рорти предлагает нам перестать устремляться в метафизические дебри, занимаясь познанием выдуманных метафизических оснований познания, – ничего этого делать не нужно. Нужно опираться только на то, в чем ни у кого нет сомнений, что совершенно очевидно наличествует в опыте каждого – это наш язык и наши веры. Вот истинные и единственно верные обоснования для нашего знания о мире, и других быть не может. Но почему же эта очевидность не кажется такой уж несомненной? Почему столетиями философы занимались поисками глубинных оснований бытия и искренне верили, что таковые на самом деле есть? Дело в том, объясняет нам Рорти, что «тот вид бихевиоризма, который избавляется от оснований, представляет добротный путь к избавлению и от философии. Потому что взгляд, согласно которому не существует постоянной нейтральной матрицы, в рамках которой происходят драмы исследования и истории, имеет следствие, что критика какой-либо культуры может быть лишь конкретной и частичной – но никогда со «ссылкой на вечные стандарты» [1, с. 132].

Из слов Рорти становится понятным, что, во-первых, поиск оснований представляет собой сущность философии в ее традиционном понимании, поэтому, отказавшись от их поиска, мы отказываемся и от самой философии и, следовательно, перестаем быть философами, по крайней мере в том качестве, в котором они существовали доныне. Рорти предлагает нам пойти наперекор традиции, устоявшемуся положению дел. Конечно, нельзя не признать, что отстаивать консервативную точку зрения на любую проблему наверное всегда легче, чем противостоят ей. Но Рорти не боится трудностей и считает себя в праве заявить о новом пути, по которому должна пойти не только философия, но и культура вообще.

Рассматривая современную ему философию, а в особенности ту, из которой вышел он сам, т. е. логический позитивизм, Рорти делает

вывод о том, что это направление тоже основывается на прежнем понимании эпистемологии и философии. Это случилось потому, что в качестве основы исследования был взят язык. Рорти настаивает на том, что язык не должен восприниматься как априорное понятие, которое тогда естественным образом превращается в основание, что ведет к восстановлению в правах прежней философии. Нет, говорит Рорти, язык должен восприниматься просто как вспомогательное средство, способствующее нашему познанию и его не нужно превращать в самоцель. Из всего этого вытекает предположение о том, что философия должна либо исчезнуть, либо принять совсем другой вид. Рорти недвусмысленно намекает на то, что эпистемология умерла, и ее место теперь должна занять герменевтика, которая «есть выражение надежды, что культурное пространство, оставшееся после кончины эпистемологии, не будет заполнено, что наша культура должна стать такой, в которой требования противопоставления и сдерживания не будут больше ощущаться. Представление, согласно которому существует постоянный нейтральный каркас, «структуру» которого может выразить философия, есть представления, что объекты противостоят уму или что правила, которые сдерживают исследование, являются общими для всех дискурсов, по крайней мере для каждого дискурса по данной теме. Таким образом, в основе эпистемологии лежит предположение, что все вклады в данный дискурс соизмеримы. Герменевтика есть, по большей части, борьба против этого предположения» [1, с. 233]. А вклады в дискурс могут быть соизмеримы только тогда, когда существует некое основание, а наличие основания – это первый признак рациональности, против которой борется Рорти. Рациональность подвергается сомнению потому, что в ней видится опасность унификации, сведения всего многообразия теорий, взглядов, мнений к лишь одной правильной теории или положению. Это и не устраивает Рорти. Он выступает за плюрализм и равноправие в любой области человеческой культуры: в философии, в науке, в вопросах организации человеческого общества. Представление о рациональности он не считает незыблемым именно потому, что оно всего лишь представление, сконструированное самими философами, и поэтому другие философы вполне могут от него отказаться и заменить собственным.

Кроме того, из этого высказывания Рорти следует, что он подвергает сомнению не только рациональность, но опять же само основание рациональности, то есть основание чего-то безусловно общего с другими людьми. Рорти пытается убедить читателей прежде всего в том, что традиционные философские понятия о бесспорных и вечных сущностях, которыми являются, например, Истина, Добро, Красота или Благо и Долг, само понятие человечности – сконструированы людьми. Издавна все люди жили с ощущением, что есть какие-то вечные ценности, на которые так или иначе нужно ориентироваться. Безусловно, никогда не шло речи о том, что все люди без исключения в каждый момент жизни соотносят свои действия и мысли с этими высшими сущностями, но они все равно предполагают каждый из нас, даже если мы отвергаем их реальное существование. Рорти призывает нас понять, что эти сущности сконструированы самими людьми, следовательно, они не могут оказать никакого реального влияния на нашу жизнь, ведь они не обладают автономным идеальным бытием. Но если нет вечных ориентиров, тогда что же делать, на каких началах люди могут организовать жизнь в обществе? Рорти вовсе не анархист, он понимает, что люди неизбежно живут вместе и вынуждены приспособливаться друг к другу. Вот это и есть реальная основа человеческой жизни, может быть некая теория разумного эгоизма.

Рорти называет трех философов XX в., сделавших невозможным рассмотрение философии как дисциплины «оснований», – это Хайдеггер, Витгенштейн, Дьюи. Каждый из них в раннем творчестве пытался найти новый способ «сделать философию дисциплиной «оснований» – новый способ формулировки окончательного контекста мысли. Витгенштейн пытался создать новую теорию репрезентации, которая не имела бы ничего общего с ментализмом. Хайдеггер – новое множество философских категорий, которые не должны были иметь ничего общего с эпистемологией, наукой или картезианскими поисками достоверности. Дьюи изобретал натурализованную версию гегелевского видения истории. Данные философы были солидарны в том, что от понятия познания как точной репрезентации, возможной за счет социальных ментальных процессов и постижимой через общую теорию репрезентации, следует избавляться. Для творчества всех троих свойственен отказ от понятий «оснований знания», общего для Локка, Декарта и Канта, как спе-

циального предмета исследования. Утверждение Рорти о «смерти эпистемологии» основано на выводе, что реализм как направление не имеет будущего в философии, которая с течением времени все меньше имеет характер научной дисциплины. Претензия эпистемологии на решение «вечных проблем», общих для всей истории философии является, по его мнению, несостоятельной.

Рорти выделяет идеи Селларса и Куайна в качестве решающих шагов, приведших к подрыву самой идеи «теории познания». Данные мыслители продемонстрировали, что понятие точной репрезентации является «пустым комплиментом», отпускаемым тем верованиям, которые позволят нам делать то, что мы хотим. Он настаивает, что «никакое «объяснение природы познания» не может полагаться на теорию репрезентаций, которые находятся в привилегированных отношениях к реальности» [1, с. 134]. Следовательно, по мысли автора, понятие познания как «точной репрезентации» убеждает нас в том, что это только одна из возможностей и что она успешно может быть заменена прагматистской концепцией познания, которая снимает свойственные еще древнегреческой философии противопоставления размышления и действия, репрезентирования мира и совладания с ним.

Рорти упорно настаивает на том, что «нет такой вещи, как рациональное согласие или разногласие...», но зато «холистические теории дают право каждому конструировать свое собственное целое, его собственную маленькую парадигму, его собственную маленькую практику, его собственную маленькую языковую игру – и затем вползть в них» [1, с. 235].

Итак, получается, что каждый из нас вправе строить свой мир, в котором существуют свои правила, по которым будет жить постоялец этого мира. Но как же он будет согласовывать свою деятельность с другими людьми-мирами? Вероятно, в данном случае будут устанавливаться такие же отношения, как и между различными дискурсами, где на первый план как раз и выступает герменевтика. Под герменевтикой Рорти понимает разговор, в ходе которого не теряется надежда на соглашение, но к этому соглашению люди могут прийти не потому, что у них есть общие критерии для решения вопросов, а потому, что все они люди. Мы видим, что у Рорти совершенно особенное понимание герменевтики, не имеющее ничего общего с традиционным. Можно сказать, что он берет старое понятие, но

наполняет его совершенно новым содержанием, знак остается прежним, но он теперь указывает совсем на другое. Общность означаемого угадывается только в том, что герменевтика пытается прийти к пониманию какой-либо проблемы, но на этом общность и заканчивается, потому что традиционная герменевтика считала, что понимание возможно, так как слово обладает одним значением, хотя и может иметь несколько смыслов. Рорти же считает, что слово обладает и разными значениями, меняющимися в зависимости от дискурсов, в которых мы его рассматриваем. Поэтому не может быть раз и навсегда установленного значения слова, не может быть одного решения проблемы. Именно поэтому он и определяет герменевтику как разговор – свободную дискуссию – и совсем не обязательно, что в ходе этой дискуссии люди придут к определенным выводам, что мы бы могли предположить в случае опоры на эпистемологию. Рорти замечает, что «в рамках эпистемологии разговор представляет неясное исследование. В рамках герменевтики исследование представляет рутинный разговор» [1, с. 235].

К чему же приходит Рорти? Вместо «неясного исследования» он нам предлагает «рутинный разговор». Думается, что выгода, которую мы получаем, если выберем вторую альтернативу, не очевидна. Вероятно, единственное ее преимущество состоит в том, что теперь наш разговор можно вести так сказать «на земле», в сфере реальной практической жизни людей.

И все-таки, возможно ли описание или осмысление какой-либо системы, либо, например, культурной или исторической эпохи с помощью того словаря, который в ней используется, так сказать, находясь внутри нее? Разве для объективного отражения тех событий, которые в ней происходят, мы не должны быть вне этой системы или эпохи? И опять же мы попадаем в ту сеть, которую нам расставляет наш собственный разум, ведь мы говорим об объективности, а значит опять утверждаем, что есть некое основание, с которым мы должны соотносить свое исследование. Именно против этого и восстает Рорти. Попытка традиционной философии эксплицировать «рациональность» и «объективность» в терминах условий точности репрезентирования является вводящей, по Рорти, в целый ряд заблуждений.

Рорти настаивает на том, что ошибочно представлять философское знание как знание,

которое имеет основание. Под основаниями философ подразумевает такие разделы философии, как гносеология, онтология, эпистемология. Философия со времен Канта стала дисциплиной оснований, она критиковала естественные науки, и она же давала им основания. Именно в философии науки находили проблемы для своей исследовательской деятельности. Благодаря Канту, превратившему философию в науку о границах человеческого разума, философия стала критикой не только познавательной способности человека, но и критикой оснований других наук.

Но все же человеческое мышление упорно сопротивляется, оно привыкло искать основания и вряд ли перестанет это делать, даже если и поймет, что действует неправильно. Я думаю, что здесь Р. Рорти, осознанно или нет, но излагает мысль Канта о том, что склонность к метафизике присуща человеческому разуму. В понимании Канта метафизика – это необоснованный выход человеческого разума за пределы опытного знания о мире и попытка судить о том, что человек заведомо не может знать (бог, свобода и бессмертие души), хотя он и пытается это делать, используя априорные формы мышления, с помощью которых судит рассудок. Получается, что Рорти просто расширяет понятие метафизики и говорит о том, что вообще сущности, находящиеся за пределами реального человеческого опыта, не могут быть познаны.

Но все наше мышление до такой степени находится в плену у платоновско-кантианской философии (как ее видит Рорти), что избавиться от нее вряд ли возможно, как и избавиться от метафизики. Таким образом, метафизика все же остается традиционным способом осмысления мира, даже если мы и понимаем, что она себя изжила. И это происходит в силу объективных причин, к пониманию которых люди, а вернее философы, приходят в ходе размышлений.

Из всего вышесказанного видно, что само понимание процесса познания у Рорти особенное, сам он его называет прагматистским. Он объясняет, что «прагматистский подход к познанию, предполагаемый «эпистемологическим бихевиоризмом», проводит разделительную линию между дискурсами, которые можно считать соизмеримыми, и теми, которые не могут считаться таковыми, как просто линию между «нормальными» и «анормальными дискурсами» [1, с. 237]. Под «нормальным» дискурсом Р. Рорти понимает разговор, ведущийся на

основании эпистемологии, а под «анормальным» – разговор, ведущийся на базе герменевтики. То есть прагматистский подход к познанию заключается в том, что мы любой вопрос можем решить с точки зрения эпистемологии или герменевтики, с точки зрения нормального или анормального дискурса и наш выбор парадигмы решения вопроса не предопределен ничем кроме соображений полезности.

С этим различием дискурсов тесно связано и понимание философии, к которому приходит Рорти. Как уже было предварительно выяснено, Рорти понимает философию как разговор. Поэтому он высказывает следующее суждение: «...я предпочту термин «наставление» в качестве названия для проекта нахождения нового, более интересного способа разговора» [1, с. 266]. Р. Рорти полагает, что такой разговор особенно интересен в том случае, если в диалоге участвуют различные культуры или исторические периоды, которые описывают себя в совершенно разных терминах. Тогда философия и будет заниматься герменевтической деятельностью по установлению взаимопонимания между ними.

Такой видит Р. Рорти философию будущего, но ведь есть еще философия прошлого и настоящего. Анализируя философию в широком смысле, Р. Рорти делит ее на два принципиально различных направления, соответственно и сами философы делятся на две группы. Вот как их классифицирует Р. Рорти: «Философов, находящихся в основном русле, я буду называть «систематиками», а периферийных философов – «наставниками». Эти периферийные, прагматистские философы проявляют скепсис главным образом относительно систематической философии, относительно проекта универсальной соизмеримости в целом. В наше время Дьюи, Витгенштейн и Хайдеггер являются великими наставниками, периферийными мыслителями» [1, с. 272].

Такое деление философов соответствует делению всей культурной практики человечества на нормальные и анормальные дискурсы. Соответственно получается, что систематическая философия представляет нормальный дискурс, а наставительная – анормальный. Думается, что плюсы и минусы той и другой философии очевидны. Систематическая философия – это более спокойная ветвь философии, в ней есть свои устоявшиеся правила и законы, поэтому на долю философов, относящихся к этому направлению, выпадает лишь более или ме-

нее строгое следование этим нормам. Но, как известно, статика противоречит понятию жизни, а философ – это ведь живой человек, хотя иногда об этом и забывают. Поэтому в русле систематической философии возникает протест, своего рода революция – появляются личности, которые больше не хотят следовать старым порядкам, а хотят, если и не установить новые, то, по крайней мере, установить свободу выбора между возможными направлениями в решении какой-либо проблемы. Поэтому ясно, что философам-революционерам приходится гораздо сложнее.

Вот как описывает положение такого философа Рорти: «Проблема для философа «наставника» состоит в том, что как философ он должен выдвигать аргументы, в то время как он просто хотел бы предложить другое множество терминов, не говоря при этом, что эти термины являются новым открытием точных репрезентаций сущностей (например, «сущности» самой философии)» [1, с. 274]. Какому из двух направлений принадлежит будущее? Исходя из симпатий Рорти, можно догадаться, что будущее, скорее всего, за «наставительной» философией. И эта «наставительная» философия должна быть совершенным антиподом «систематической» философии. Она выступает про-

тив всех понятий, правил и законов прежней философии. Она выступает против эпистемологии, рациональности и, конечно же, против метафизики, а так же той культурной функции, которую отводил философии Кант.

В заключение мы хотели процитировать одного из ведущих специалистов по американской философии Н.С. Юлину, которая очень точно определила «новаторство» Ричарда Рорти: «В его новации мы видим попытку смягчить «отчаяние разума», охватившее поколение интеллектуалов после Ницше, оптимистическим дьюевским коммунитаризмом и мелиоризмом. Он трезво осознает, что меняющаяся лингвистическая практика и когнитивная культура отбрасывают все метафизические конструкции, на которых крепилась европейская культура, включая наиболее лелеемое и ценное – понятие самости, что она становится откровенно инструменталистской и прагматической. Одиночество человека без Бога, метафизики и самости Рорти хочет компенсировать возвышением верований и надежд сообщества, в котором живет человек, ценностей сопричастности, солидарности и т. п. Но, как говорится, были бы вера и надежда, а трансцендентный адресат всегда найдется» [2, с. 186].

16.05.2012

Список литературы:

1. Рорти, Р. Философия и зеркало природы. – Новосибирск, 1997.
2. Юлина, Н.С. Ричард Рорти: разговор «через эпохи», «в эпохе» и историография философии // История философии. – 1997. – №1.

Сведения об авторе:

Кашин Валерий Васильевич, профессор кафедры социальной философии
Оренбургского государственного университета, доктор философских наук, профессор
Мусин Дамир Зуфарович, аспирант кафедры социальной философии
Оренбургского государственного университета
460018, г. Оренбург, пр-т Победы, 13, ауд. 2313, тел. (3532) 372583, e-mail: socf@mail.osu.ru

UDC 101.3**Kashin V.V., Musin D.Z.**

Orenburg state university, e-mail: socf@mail.osu.ru

RICHARD RORTY: CRITISISM OF PHILOSOPHY AS A REPRESENTATION

In the 20th century a number of attempts were done to lead a «reconstruction» of the history of philosophy to modern realities. One of these attempts was made by a famous American philosopher, representative of neopragmatism, Virginia University professor Richard Rorty. His «reconstruction» was to substitute epistemology by literary criticism.

Key words: philosophy of mind, the mirror of nature, logical positivism, accurate representation, holistic theories, hermeneutics.

Bibliography:

1. Rorty, R. Philosophy and the Mirror of Nature. – Novosibirsk, 1997.
2. Yulina, N.S. Richard Rorty: conversation «through the eras», «in the era» and historiography of philosophy // History of Philosophy. – 1997. – №1.